

С. И. Межеричкая

Санкт-Петербургский государственный университет

РИТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЦЫ «АНТИОХИЙСКОЙ РЕЧИ» ЛИБАНИЯ

«Антиохийская речь» Либания является, с одной стороны, типичным продуктом софистического творчества оратора, призванным прославить и возвеличить родной город, а с другой — одним из лучших образцов жанра панегирика городу в позднеантичном ораторском искусстве. Панегирик городу — популярный жанр торжественного красноречия, хорошо изученный и описанный в античной риторической литературе. Однако «Антиохийская речь» Либания особенно интересна тем, что в известной степени являет собой итог развития античного ораторского искусства, аккумулируя многовековую риторическую традицию и лучшие достижения древнегреческих ораторов в этом жанре, восходящем еще к Исократу и первым софистам. Установление ближайших литературных образцов для «Антиохийской речи» позволяет определить степень и характер влияния риторики предшествующей эпохи (так называемой Второй софистики) на развитие позднеантичного красноречия, часто именуемого Третьей софистикой, а также оценить вклад Либания как панегириста в историю античного ораторского искусства. Библиогр. 35 назв.

Ключевые слова: античная риторика, Вторая софистика, панегирик, Элий Аристид, Либаний.

Svetlana I. Mezheritskaya

St Petersburg State University

RHETORICAL EXAMPLES OF "ANTIOCH ORATION" BY LIBANUS

The *Antioch oration* of Libanius is, on the one hand, a typical product of the sophistic work of the orator, designed to glorify his native city, and on the other, one of the best examples of the panegyric of the city in late ancient oratory. A panegyric to the city is a popular genre of solemn eloquence, well studied and described in the ancient rhetorical literature. However, Libanius' *Antioch oration* is particularly interesting as the result of the development of ancient oratory, accumulating the old rhetorical tradition and the best achievements of ancient Greek orators in this genre, dating back to Isocrates and to the first sophists. The discovery of the closest literary samples for the *Antioch oration* allows us to determine the degree and nature of the influence of the previous rhetoric literature (the so-called Second Sophistic) on the development of late ancient eloquence, often referred as the Third Sophistic, as well as assess the contribution of Libanius as a panegyrist to the history of ancient oratory. Refs 35.

Keywords: ancient rhetoric, Second Sophistic, panegyric, Aelius Aristides, Libanius.

В речи «К Аристиду за плясунов»¹ (LXIV 5 F) Либаний пишет:

...Моя любовь к Аристиду и то обстоятельство, что, предоставь мне выбор или превзойти богатством Мидаса, или хотя немного приблизиться к искусству Аристида, я немедленно остановился бы на втором, очевидно, пожалуй, всякому. Они знают это не из заявления моего перед ними, что я люблю его, заявления, которое могло бы, пожалуй, быть ложью, но из того, что гораздо важнее для уверенности, — знают из самых фактов, сколько во мне пристрастия к этому ритору. Ведь то обстоятельство, что всякий раз, как сочиняю речь, я держусь следов Аристида и пытаюсь свои речи, насколько возможно, уподоблять его [речам — С. М.], что я считаю выигрышем своей профессии, если кто-нибудь из сидящих заявит, что я его напоминаю, служит крупнейшим признаком того, что этого ратора я отношу к совершеннейшим»².

Откровенное признание Либания в восхищении ораторским искусством Элия Аристида³ — своего знаменитого предшественника на поприще риторики и крупнейшего представителя Второй софистики (II в. н.э.) — в значительной мере облегчает исследователю задачу установления источника многочисленных аллюзий и реминисценций, которые встречаются в его речах. Дополнительным источником служат дошедшие до нас письма Либания (см. [Seeck 1961]), в частности письмо к правителю Вифинии Феодору (Ер. 1534), из текста которого явствует, что оратор был хорошо знаком, в частности, со «Священными речами»⁴ — автобиографией Аристида, которая послужила для него образцом при написании собственных мемуаров («Жизнь, или О собственной доле»)⁵. Эта речь Либания, намного превышающая по объему упомянутое сочинение Аристида, охватывает практически всю жизнь оратора — его детство, воспитание, образование, семью, ораторскую карьеру, взаимоотношения с властями и про-

¹ Эта речь была написана в 361 г. в ответ на не дошедшую до нас речь греческого оратора Элия Аристида против танцоров (155 г.). Точное название сочинения Аристида неизвестно, однако благодаря многочисленным цитатам у Либания мы знаем, что в ней доказывалось превосходство древнего танца над современным. Современных танцоров Аристид укорял за ношение длинных волос, непристойность жестов и дисгармоничность движений, развращавших, по его мнению, зрителей. Подобным же образом Аристид высказывался по отношению к мимическим актерам («О необходимости запретить комические представления») и софистам («Против тех, кто уподобляется плясунам»).

² Здесь и далее цитаты из Либания приводятся в переводе С. П. Шестакова (Шестаков 2014).

³ См. о нем, в частности: [Boulanger 1923; Wilamowitz-Möllendorff 1925: 333–345; Puck 1947: 17–20; Behr 1968].

⁴ См. о них подробнее: [Boulanger 1923; Behr 1968; Schröder 1986; Межеричкая 2006].

⁵ Либаний приступил к написанию этой речи в 374 г. и закончил не ранее 392 г. (о датировке см.: [Sievers 1868]), проработав над ней, таким образом, почти два десятка лет, что весьма напоминает ситуацию со «Священными речами» Элия Аристида, в основу которых положены дневниковые записи оратора, ведшиеся им на протяжении двадцати с лишним лет.

фессиональными конкурентами — софистами, политические события его времени и пр. и обнаруживает многочисленные параллели с автобиографией Аристида. По его примеру оратор также подробно говорит о своих физических недугах (243–244; 246–250 F), описывает сны⁶ (245 F), дает религиозное толкование событиям, которые, по его мнению, предопределяются Судьбой (τυχή)⁷ (18; 20; 23–26 F sqq.) и т. п. В жизни Аристида подобную роль играл бог врачевания Асклепий, предписаниям которого, полученным во снах, оратор неукоснительно следовал не только в вопросах лечения болезней, но и в других жизненных обстоятельствах⁸. «Священные речи» поэтому часто называют «коллекцией снов» и «религиозной автобиографией» [Phillips 1952: 23; Dodds 1965: 40], и по форме они действительно напоминают памятники храмовой ареталогии (см.: [Weinreich 1914: 600; Festugière 1960: 88; Reitzenstein 1963: 64]). Кроме мемуаров, под влиянием Аристида Либанием были написаны «Монодия на храм Аполлона в Дафне», «Монодия Никомедии» (ср. соответственно с «Элевсинской речью» и «Монодией Смирне») [Межеричкая 2014: 61–81], «Монодия Юлиану» и «Надгробная речь Юлиану» (ср. с «Надгробной речью Александру» и «Надгробной речью Этеонею» Аристида) [Mezheritskaja 2017a: 184–192]. Наряду с ними к числу подражательных с некоторыми оговорками можно отнести такие речи Либания, как «Антиохийская» и «Приветственная Юлиану» (ср. с первой и второй «Смирнскими речами»), а также единственный прозаический гимн Либания — «Артемиде», судя по всему, написанный им в подражание религиозным гимнам Аристида [Spengel 1856: 329–446].

Тот факт, что «Антиохийская речь» Либания во многом напоминает «Смирнскую речь» Аристида, отмечался и раньше [Pask 1947: 19], однако попыток детально сравнить обе речи и выявить степень влияния на Либания творчества Аристида до сих пор не предпринималось. С другой стороны, «Антиохийская речь» интересна тем, что в известной степени являет собой итог развития античного ораторского искусства, аккумулируя многовековую риторическую традицию и лучшие достижения древнегреческих ораторов в жанре панегирика начиная с Исократа и первых софистов. Таким образом, установление ближайших литературных образцов для «Антиохийской речи», с одной стороны, позволяет определить степень и характер влияния риторики предшествующей эпохи (так называемой Второй софистики) на позднеантичное ораторское искусство, часто именуемое Третьей софистикой, а с другой — оценить вклад самого Либания в развитие античного эпидейктического красноречия.

⁶ О том, что сны играли в жизни Либания не меньшую роль, чем в жизни Аристида, свидетельствуют его письма (см., в частности: Epp. 246; 1379; 1453).

⁷ См. об этом: [Malzacher 1918].

⁸ О роли Асклепия в жизни Аристида см.: [Boulanger 1923: 199; Phillips 1952: 23–36; Rosen 1968; Gourevitch 1968: 897–902; Anderson, Roos 1997: 26–38; Weinreich 1914: 597–606; Behr 1968; Межеричкая 2004: 373–394].

«Антиохийская речь» (Or. XI) предположительно была написана Либанием в 356 г. к празднику Олимпий⁹, что во многом сходно с обстоятельствами написания первой «Смирнской речи» (Or. XVII) Аристида, которая была приурочена к прибытию в город проконсула Азии на судебные заседания и праздник Дионисий¹⁰. Сходство между «Смирнской речью» Аристида и «Антиохийской речью» Либания, в несколько раз превосходящей по объему свой образец, определяется главным образом на уровне содержания и общей структуры, то есть отдельных тем и топосов, позволяющих заключить, что автор последней был хорошо знаком с сочинением своего предшественника. Так, по примеру Аристида, описывающего местоположение и достопримечательности Смирны (9–11; 12, 14–17, 19, 21–22 К), Либаний восхваляет благоприятное местоположение, прекрасный ландшафт и мягкий климат Антиохии (34–41 F), говорит о плодородии почвы (19–21 F), теплых ветрах (22–23 F), окрестностях и пригородах (230–236 F), водных источниках и колодцах (243–251; 259–263 F), рынках и многообразии товаров (252–258 F). Описывает он и разнообразные городские строения Антиохии, а также общий характер застройки города: улицы и портики, императорский дворец и частные дома, храмы и бани, ипподром и театр (201–221 F). Все это находит почти полное соответствие в знаменитом описании Смирны у Аристида, вплоть до прямых аллюзий и реминисценций, например:

Двигаясь с запада на восток, от храма к храму и от холма к холму, ты будешь идти по одной и той же дороге, более прекрасной, чем само ее название. Перед восходящим на Акрополь кругом простирается море, а предместье словно бы стоит на якоре. Сам же город, сливаясь и с тем, и с другим, порождает, насколько хватает глаз, трижды прекрасное зрелище, каковое захватывает дух, *ибо город влечет к себе всех, подобно пестрому ожерелью* (ἔλκει γὰρ ἐφ' ἑαυτοῦ ἕκαστον ὡσπερ ἐν ὄρωψι ποικίλῳ). Спускающемуся же с Акрополя видна восточная часть города <...> и *самый великолепный из его храмов* — храм богини, предвестившей появление города¹¹ (10 К).

⁹ Датировка основана на письме Либания 358/359 г. (Ep. 36), в котором оратор говорит о написанной им к празднику речи в честь родного города, а значит, речь идет об Олимпиях, проводившихся в 356 г.

¹⁰ Высказывавшееся предположение о том, что адресатом этой речи мог быть Марк Аврелий (см. [Boulangier 1923: 384–385]), полностью опровергается содержанием второй «Смирнской речи» Аристида, обращенной к сыну адресата первой «Смирнской речи» (XXI К 3, 16 К). Если принять в целом убедительную датировку Ч. Бэра, согласно которой первая «Смирнская речь» была написана в 157 г. н. э., то ее адресатом следует считать Публия Клувия Максима Пауллина, занимавшего в то время должность проконсула Азии (см. [Behr 1981: 356; Behr 1968: 92]).

¹¹ Здесь и далее цитаты из Аристида приводятся в переводе автора статьи (Межеричская 2006; Межеричская 2017а).

Ср. у Либания:

Из портиков, как сказано, тянущихся с востока на запад и простирающихся на такое расстояние, что его достаточно было бы на три города, как раз посередине первого, арки, обращенные во все стороны, с одною общею каменною крышею, дают начало другим портикам, идущим к северу, до реки, причем находящийся в их районе храм Нимф, высоко вздымающийся в небо, *обращает к себе все взоры блеском камня, красками колонн, яркостью росписи, обилием вод* (λίθων αὐγαῖς καὶ κίωνων χροαῖς καὶ γραφῆς αἴγυλη καὶ ναμάτων πλούτῳ πάντα ὀφθαλμὸν ἐπιστρέφον) (202 F).

Далее в описании обоих городов можно отметить следующие явные параллели. Аристид пишет:

... Переправившись через Мелет, ты до конца будешь идти по равнине между ключей¹² и источников. Наконец, пройдя еще немного вперед, ты снова увидишь город, как бы провожающий путника, и отсюда легко обозреть всю его красоту. *Как бы кто ни торопился, он уже не глядит на дорогу и не отрывает взгляда, оставляя то, что перед глазами, справа и обращая взор к тому, что находится слева. Ибо город притягивает, как магнит — железо, поневоле подчиняя себе* (καὶ οὐδεὶς οὕτως ἐλείγεται ὅστις ὄρᾳ τὸ πρόσω τῆς ὁδοῦ καὶ οὐ μεταβάλλει τὸ σχῆμα, τὰ μὲν κατ' ὀφθαλμοὺς δεξιὰ ποιοῦμενος, τὰ δὲ ἀριστερὰ πρὸ τῆς ὄψεως. ἢ γὰρ πόλις ἔλκει πρὸς αὐτὴν ὥσπερ ἡ μαγνήτις λίθος τὰ σιδήρια καὶ δι' ἀνάγκης ἐθελοθσίῳ χειροῦται). И то же самое касается соотношения города и окрестностей: ведь ни находясь внутри невозможно насытиться видами предместья, ни обозревая город издали нельзя достигнуть удовлетворения (17 K).

У Либания читаем:

Эту дорогу из города в предместье я с величайшим удовольствием назвал бы бахромой эгиды, кою Гомер вооружает Афины. Так вся она — золотая и завершается колофонским золотом — Дафной. Ее увидав, невозможно удержаться от крика, не прыгать, не скакать, не считать себя счастливым за это зрелище, не чувствовать себя как бы окрыленным удовольствием. *То то, то другое всюду чарует, изумляет, одно приковывает к себе внимание, другое влечет, — и взоры облиты блеском, что заставляет зрителя оглядываться во все стороны* (ἄλλο γὰρ ἄλλοθεν τὸ μὲν θέλγει, τὸ δὲ ἐκπλήττει, καὶ τὸ μὲν κατέχει, τὸ δὲ ἐπισπάται καὶ περικέχυται τοῖς ὀφθαλμοῖς αὐγῆ περιστρέφουσα τὸν θεατήν)... (236–237 F).

Подобных примеров текстуальных совпадений в «Антиохийской» и «Смирнской» речах немало. Однако наряду с очевидным сходством необходимо отметить и существенные различия, касающиеся, прежде всего, жанровой принадлежности этих речей. Так, «Смирнская» речь относится к жанру приветственных речей,

¹² Конъектура Б. Кайля (см. [Keil 1898: 6]).

о котором следует сказать отдельно. Приветственные речи (λόγοι προσφωνητικοί) составлялись обычно по случаю прибытия в город какого-либо официального лица — проконсула провинции, римского чиновника или самого императора — и предназначались для публичного произнесения в его присутствии. Процедура торжественной встречи официального лица, называемая ἀπάντησις, обладала в эпоху империи большим значением и происходила в соответствии с определенным ритуалом (см.: [Grandior 1934: 182; MacCormack 1976: 43–45; Halfmann 1986: 112; Millar 1989: 29; MacCormack 1981: 17–22, 65]). Приезд высокого гостя праздновался с большим размахом в присутствии всего городского населения: навстречу прибывшему высылался торжественный кортеж, в его честь исполнялись гимны, устраивались ораторские состязания, иногда даже воздвигались статуи (см.: Dio Chrys. XXXI. 75, 112). Писались приветственные речи в строгом соответствии с риторическим каноном. Менандр Лаодикейский (III в. н.э.), автор популярного в позднеантичную эпоху трактата «Об эпидейктическом красноречии», так характеризует этот жанр:

Приветственная речь (προσφωνητικός) есть похвала (εὐφημος), произносимая кем-нибудь в адрес правителей; по сути дела, это энкомий, но неполный (τῇ δὲ ἐργασίᾳ ἐγκώμιον οὐ μὴν τέλειον). Ибо речь эта не включает в себя всего того, что относится к энкомию, но формально (то есть «по закону», κυρίως) является приветственной» (415 Sp.)¹³.

Энкомий городу или лицу представлял собой похвалу, выстроенную по определенным правилам: для города обязательным было описание местоположения, климата, достопримечательностей, которое дополнялось более или менее детальным экскурсом в историю начиная со времени основания; для лица — похвала роду и предкам, воспитанию и образованию, деяниям и пр. [Burgess 1902: 87–263; Crusius 1905: 2581–2583; Paug 1962: 332–343; Pernot 1986: 33–53; Pernot 1993: 144–177]. В приветственной речи внимание оратора было сфокусировано на прибытии в город высокого гостя, поэтому в ее основе лежит похвала лицу, а также правящему императору (если он не является адресатом речи). Однако из предписаний Менандра (414–418 Sp.) следует, что подобная похвала чаще строилась не на всей совокупности традиционных для энкомия топосов, а лишь на одном из них — обзоре деяний, то есть политической деятельности адресата и его достижений на государственном поприще:

Ибо речь приветственная лишь слегка касается топосов энкомия (ὁ προσφωνητικός ἐγκώμιον εἰκὼν ἀκροβιῶς τῶν ἐγκωμιαστικῶν τόπων ἐφαπτόμενος), не задерживаясь на них, как в полном энкомии, если только кто-то не пожелает из почтения <к лицу> составить приветственную речь в полном соответствии с содержанием <энкомия>» (416–417 Sp.).

¹³ Здесь и далее Менандр цитируется в переводе автора статьи.

В заключительной части приветственной речи, согласно Менандру, могла также содержаться похвала городу, однако здесь она носила факультативный характер, «...ибо это нужно делать не всегда, а по желанию» (417 Sp.). Однако в «Смирнской речи» канон Менандра соблюден лишь отчасти, в то время как похвала городу занимает в ней едва ли не главное место [Межеричкая 2017b: 224–233]. Стремясь возвысить Смирну в глазах проконсула, Аристид выступает в ней как бы в роли гида, предлагая именитому гостю увлекательный маршрут по городу и его достопримечательностям (18–17; 19–22 К), что в известной степени роднит эту речь с классическим панегириком. Однако, в отличие от последнего, в ней очень мало говорится об основании города (2–5 К) и его историческом прошлом, за исключением одного эпизода (6 К), поскольку мысль автора в данном случае обращена к настоящему. «Антиохийская речь», напротив, является типичным энкомием городу и полностью соответствует канонам этого жанра. Мы находим в ней и подробный экскурс в мифологическую, военную и внешнеполитическую историю города (44–130 F), и перечисление различных его достопримечательностей и преимуществ перед другими городами (12–41; 192–272 F), и описание внутривластного устройства, и характеристику взаимоотношений города с римской властью (133–195 F). Соответственно, круг тем, которые охватывает «Антиохийская речь», оказывается значительно шире тематики «Смирнской речи».

Отдельного внимания в «Антиохийской речи» заслуживает похвала внутривластной политике, то есть городскому самоуправлению, поскольку в этой части она очень напоминает другое сочинение Аристида, на которое Либаний также мог опираться при написании своего панегирика, а именно — «Похвалу Риму» (XXVI). В этой речи, относящейся к жанру классического панегирика и произнесенной Аристом в 155 г. в Риме в присутствии императора Антонина Пия, восхваляется римская власть и те блага, которые Рим принес всему цивилизованному миру (см. [Oliver 1953]). Для этого Аристид прибегает к целому ряду исторических сравнений, подробно рассматривая успехи и неудачи наиболее значительных государств прошлого, таких как Персидское царство, Афины, Спарта, Фивы и, наконец, империя Александра Македонского (14–27; 40–56 К). Ошибкам и недостаткам их правления он противопоставляет разумную и взвешенную политику Рима по отношению к своим подданным, в которой видит секрет римского могущества. Аристид подробно описывает характер римской администрации в провинциях (59–71 К), организацию военного дела (72–88 К) и, наконец, принципы государственного устройства, совмещающего в себе преимущества демократии, аристократии и монархии (90–91 К).

Похожим образом восхваляет преимущества мирной жизни городов под эгидой римской власти и Либаний, рисуя идиллическую картину полной гармонии антиохийской курии с народом, с одной стороны, и с представителями римской администрации — с другой. При этом между обоими текстами обнаруживается целый ряд явных параллелей, и некоторые из них можно рассматривать как прямые реминисценции. Так, у Аристида читаем:

Всякое иное соперничество среди городов прекратилось, и все они соревнуются только в одном: чтобы каждый из них явился самым прекрасным и приветливым (καὶ αἱ ἄλλα πᾶσαι φιλονικίαι τὰς πόλεις ἐπιλελοίπασαν, μία δὲ αὐτὴ κατέχει πάσας ἕρις, ὅπως ὅτι καλλίστη καὶ ἡδίστη αὐτὴ ἐκάστη φανεῖται) (97 K).

Ср. с Либанием:

Только у нас одних больше соперничества из-за захвата литургий, чем у других в избежании их (μόνοις δὲ παρ' πλείων ἕρις ὑπὲρ τοῦ λαβέσθαι λειτοθργίας ἢ παρ' ἑτέροις ὑπὲρ τοῦ διαδρᾶναι)... Причиной этого является некая врожденная горделивость, в силу коих они [члены курии — С. М.] не терпят, чтобы в их город приходила о других большая слава, чем об их собственном — в другие места, не считая заслуживающим упрека собственное отечество доводить, в чем можно, до самого высокого положения (137–138 F).

В другом месте Аристид говорит:

*Ни наместники здесь не ведут войну друг с другом, словно нет над ними царя, ни города не разделяются, те — ратуя против этих, а эти — против тех, ни гарнизоны не посылаются в одни города, будучи изгнаны из других. Но *весь населенный мир, звуча согласнее, чем хор, молится о том, чтобы эта держава жила во веки веков, — так хорошо ведет ее этот вот предводитель хора* (οὕτως ἄπασα ἡ οἰκοθμένη χοροῦ ἀκριβέστερον ἔν φθέγγεται, συνευχομένη μένειν τὸν ἅπαντα αἰῶνα τήνδε τὴν ἀρχὴν οὕτως καλῶς ὑπὸ τοῦδε τοῦ κορυφαίου συγκροτεῖται) (29 K).*

Либаний ему вторит:

*А о народе что больше может другой сказать, как не то, что он под стать курии, и ни ей не надлежало бы стоять во главе другого народа, ни ему быть чьим-нибудь другим, а не ее? *Так она руководит дельными людьми, а он следует за лучшими, как искусный хор за лучшим корифеем* (οὕτως ἢ μὲν ἡγεῖται χρηστῶν, ὁ δὲ ἀρίστοις ἔπεται, καθάπερ δεξιὸς χορὸς κορυφαίῳ βελτίονι) (150 F).*

В заключение нашего анализа приведем еще одну интересную параллель между речами Аристида и Либания:

*И вот города сияют блеском и красотой, весь мир красуется, словно сад. Дым, поднимающийся от равнин, и сигнальные огни союзников и врагов исчезли, словно ветер унес их по ту сторону земли и моря. Вместо этого явились радующие зрелища и несчетные состязания. <...> *И только те, кто живет не под вашей властью, — если такие еще есть, — вправе сожалеть о благах, которых они лишены* (ὥστε μόνους ἀξιον εἶναι κατοικτεῖραι τοὺς ἔξω τῆς ὑμετέρας, εἴ τινές ποῦ εἰσιν ἄρα, ἡγεμονίας, οἷων ἀγαθῶν στέρωνται) (99 K).*

В самом деле, во-первых, у каждого жена и дети и домашнее устройство. Эти условия способствуют добросовестному воспитанию и стремлению к спокойствию, как *иные, у тех, у кого ничего этого не имеется, скорее — тому, чтоб посеять мятеж, взяться за оружие, потешиться избиением и, причинив беду первому*

встречному, бросаться на новую жертву, каких предерзостей много наблюдается в Египте, много в Италии (ῥωπερ οἷς οὐδὲν τούτων ἐστί, στάσεις τε ὀξεῖς ἐμβαλεῖν καὶ ξιφῶν ἄψασθαι καὶ τέρψιν ποιήσασθαι τὸ φθειρόμενον καὶ συμφορὰν, ὅτῳ τύχοιεν προσβαλόντες ἐπ' ἄλλον ἀποδραμεῖν)... (151 F).

Частые сравнения антиохийцев с афинянами в речи Либания (127; 163–164; 171; 182–185 F etc), этническое родство с которыми служит предметом особой гордости оратора (58 F), заставляют предположить, что Либаний также использовал в качестве образца для своего панегирика знаменитую «Панафинейскую речь» Элия Аристида. Эта речь, произнесенная оратором в 155 г. в Афинах на празднике Панафиней, восхваляла и прославляла афинян, прежде всего, как воспитателей и учителей всего населенного мира (см.: [Oliver 1968], а также [Day 1980]). В своей речи Аристид перечисляет важнейшие моральные качества афинян и их многочисленные заслуги перед человечеством: это тесная связь с богами, от которых они получили все свои знания и искусства; не имеющая границ филантропия этого народа, сделавшего остальных людей соучастниками собственных достижений; забота об общих интересах эллинов; освоение новых земель и т. п. Все эти тезисы сопровождаются многочисленными историческими примерами, демонстрирующими великодушие и человеколюбие афинян. В «Антиохийской речи» Либаний, в свою очередь, затрагивает эту тему, восхваляя безграничную филантропию афинян по отношению к остальным народам и провозглашая их учителями и воспитателями Греции. Кроме того, оратор проводит параллель между своим родным городом и Афинами, проявляющуюся, в частности, в любви антиохийцев к своему отечеству (134–139 F), в их военной храбрости и мужестве (157–163 F), в гостеприимстве и великодушии по отношению к другим народам (155–156; 164–169 F), в почитании добродетелей и стремлении к мудрости (182 F). По аналогии с Афинами, которые именовались метрополией Греции, Либаний называет Антиохию «метрополией Азии» (187 F). По всей видимости, Аристид, последовательно описавший в «Панафинейской речи» все войны, которые афиняне вели против греков и варваров, послужил для Либания образцом и при подробном описании военной истории Антиохии (59–131 F).

Подводя итог сказанному, отметим, что влияние, оказанное на Либания предшествующей риторической традицией, не вызывает сомнений. Особенно значимо в данном случае то, что, выбирая в качестве образца речи Элия Аристида — крупнейшего представителя Второй софистики, он подражает не только языку и стилю речей своего знаменитого предшественника, но и обращается практически к тем же темам и жанрам. Выявленные случаи прямых аллюзий и реминисценций на примере отдельно взятой «Антиохийской речи» показывают, насколько тщательно Либаний стремился воспроизвести в собственных речах явные черты аттического стиля, характерные для красноречия Аристида. При этом во многом подражательный характер речей Либания отнюдь не свидетельствует о недостатке у этого автора ораторского таланта или оригинальности мыслей. Огромный авторитет, которым пользовался Либаний и у современни-

ков, и у потомков заставляет причислять его к выдающимся ораторам античности, а подражание литературным образцам следует рассматривать как основополагающий принцип позднеантичной риторики.

Источники иллюстративного материала

Межеричкая С. И. Элий Аристид. Священные речи. Похвала Риму. Москва: Ладомир, 2006.
Межеричкая С. И. Элий Аристид. Надгробные речи. Монодии. Москва: Ладомир, 2017а.
Шестаков С. П. Либаний. Речи. СПб.: Квадривиум, 2014.

Литература

- Межеричкая С. И.* О жанре монодии в ораторской прозе // *Aristeas*. 2014. Т. 10. С. 61–81.
Межеричкая С. И. Культ Асклепия и психология античного общества II в. н.э. // *Mnemon*. 2004. № 3. С. 373–394.
Межеричкая С. И. Риторика на службе политики: панегирик и его роль в эпоху Второй Софистики // *Шаги*. 2017b. Т. 3. № 4. С. 224–233.
Anderson P., Roos B.-A. On the psychology of Aelius Aristides // *Eranos*. 1997. Vol. 95. P. 26–38.
Behr C. A. P. Aelius Aristides. The complete works. Vol. II. Leiden: Brill, 1981.
Behr C. A. Aelius Aristides and The Sacred Tales. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1968.
Boulanger A. Aelius Aristides et la sophistique dans la province d'Asie au IIe siècle de notre ère. Paris: E. de Boccard, 1923.
Burgess T. C. Epideictic literature // *University of Chicago Studies in Classical Philology*. 1902. Vol. 3. P. 87–263.
Crusius O. Enkomion / *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. V. Col. 2581–2583. Stuttgart: Metzler, 1905.
Day J. W. The glory of Athens. The popular tradition as reflected in the Panathenaicus of Aelius Aristides. Chicago: Ares, 1980.
Dodds E. R. Pagan and Christian in an age of anxiety. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.
Festugière A.-J. Personal religion among the Greeks. Berkeley — Los Angeles: University of California Press, 1960.
Gourevitch M. D. Le cas d'Aelius Aristide ou mémoires d'un hystérique au 2e siècle // *Information psychiatrique*. 1968. Vol. 44. P. 897–902.
Grandior P. Athènes sous Hadrien. Le Caire: Boulac, 1934.
Halfmann H. Itinera pricipum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im römischen Reich (Heidelberger althistorische Beiträge und epigraphische Studien, II). Stuttgart: Franz Steiner, 1986.
Keil B. Aelius Aristides. Quae supersunt omnia. Berlin: Weidmann, 1898.
MacCormack S. G. Latin prose panegyrics: Tradition and discontinuity in the Later Empire // *Revue des études Augustiniennes*. 1976. Vol. 22. P. 29–77.
MacCormack S. G. Art and ceremony in Late Antiquity. Berkeley: University of California Press, 1981.
Malzacher K. Die Tyche bei Libanios. Strasburg: M. Du Mont Schauberg, 1918.
Millar F. The emperor in the Roman world 31 BC — AD 337. London: Duckworth, 1989.
Oliver J. H. The ruling power. A study of the Roman Empire in the second century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides. Philadelphia: American Philosophical Society, 1953.
Oliver J. H. The civilizing power. A study of the Panathenaic discourse of Aelius Aristides against the background of literature and cultural conflict. Philadelphia: American Philosophical Society, 1968.

- Pack R. Two sophists and two emperors // *Classical Philology*. 1947. Vol. 42, no. 1. P. 17–20.
- Payr T. Enkomion / Reallexicon für Antike und Christentum. Bd. 5. Col. 332–343. Stuttgart, Anton Hiersemann Verlag, 1962.
- Pernot L. Les *topoi* de l'éloge chez Ménandros le Rhéteur // *Revue des études grecques*. 1986. Vol. 99. P. 33–53.
- Pernot L. La rhétorique de l'éloge dans le monde Gréco-Romain. Paris: Institut d'Études Augustiniennes, 1993.
- Phillips E. D. A hypochondriac and his god // *Greece and Rome*. 1952. Vol. 21. P. 23–36.
- Reitzenstein R. Hellenistische Wundererzählungen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgemeinschaft, 1963.
- Rosen G. Madness in society. Chapters in the historical sociology of mental illness. Chicago: University of Chicago Press, 1968.
- Schröder H. O. Heilige Berichte. Heidelberg: Winter, 1986.
- Seeck O. Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet. Leipzig: Teubner, 1961.
- Sievers G. R. Das Leben des Libanius. Berlin: Weidmann, 1868.
- Spengel L. Rhetores Graeci. Leipzig: Teubner, 1856.
- Weinreich O. Typisches und Individuelles in der Religiosität des Aelius Aristides // *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur*. 1914. Bd. 33–34. S. 597–606.
- Wilamowitz-Möllendorff U. Der Rhetor Aristides // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*. 1925. Bd. 28, nr. 5. S. 333–345.

References

- Anderson P., Roos B.-A. On the psychology of Aelius Aristides. *Eranos*, 1997, vol. 95, pp. 26–38.
- Behr C. A. *P. Aelius Aristides. The complete works*. Vol. II. Leiden, Brill, 1981.
- Behr C. A. *Aelius Aristides and The Sacred Tales*. Amsterdam, Adolf M. Hakkert, 1968.
- Boulangier A. *Aelius Aristides et la sophistique dans la province d'Asie au IIe siècle de notre ère*. Paris: E. de Boccard, 1923.
- Burgess T. C. Epideictic literature. *University of Chicago Studies in Classical Philology*, 1902, vol. 3, pp. 87–263.
- Crusius O. Enkomion. *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Bd. V, Col. 2581–2583. Stuttgart, Metzler, 1905.
- Day J. W. *The glory of Athens. The popular tradition as reflected in the Panathenaicus of Aelius Aristides*. Chicago, Ares, 1980.
- Dodds E. R. *Pagan and Christian in an age of anxiety*. Cambridge, Cambridge University Press, 1965.
- Festugière A.-J. *Personal religion among the Greeks*. Berkeley — Los-Angeles, University of California Press, 1960.
- Gourevitch M. D. Le cas d'Aelius Aristide ou mémoires d'un hystériques au 2e siècle. *Information psychiatrique*, 1968, vol. 44, pp. 897–902.
- Grandior P. *Athènes sous Hadrien*. Le Caire, Boulac, 1934.
- Halfmann H. *Itinera pricipum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im römischen Reich* (Heidelberger althistorische Beiträge und epigraphische Studien II). Stuttgart, Franz Steiner, 1986.
- Keil B. *Aelius Aristides. Quae supersunt omnia*. Berlin, Weidmann, 1898.
- MacCormack S. G. Latin prose panegyrics: Tradition and discontinuity in the Later Empire. *Revue des études Augustiniennes*, 1976, vol. 22, pp. 29–77.
- MacCormack S. G. *Art and ceremony in Late Antiquity*. Berkeley, University of California Press, 1981.

- Malzacher K. *Die Tyche bei Libanios*. Strasburg, M. Du Mont Schauberg, 1918.
- Mezheritskaya S. I. On the genre of monody in oratory prose. *Aristeas*, 2014, vol. 10, pp. 61–81. (In Russian)
- Mezheritskaya S. I. Cult of Asclepius and the psychology of ancient society of the II century AD. *Mnemon*, 2004, vol. 3, pp. 373–394. (In Russian)
- Mezheritskaya S. I. Rhetoric in the service of politics: panegyric and its role in the era of the Second Sophistic. *Shagi*, 2017b, vol. 3, no. 4, pp. 224–233. (In Russian)
- Millar F. *The emperor in the Roman world*. London, Duckworth, 1989.
- Oliver J. H. *The ruling power. A study of the Roman Empire in the second century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides*. Philadelphia, American Philosophical Society, 1953.
- Oliver J. H. *The civilizing power. A study of the Panathenaic discours of Aelius Aristides against the background of literature and cultural conflict*. Philadelphia, American Philosophical Society, 1968.
- Pack R. Two sophists and two emperors. *Classical Philology*, 1947, vol. 42, no. 1, pp. 17–20.
- Payr T. *Enkomiön / Reallexicon für Antike und Christentum*. Bd. 5. Col. 332–343. Stuttgart, Anton Hiersemann Verlag, 1962.
- Pernot L. Les *topoi* de l'éloge chez Ménandros le Rhéteur. *Revue des études grecques*, 1986, vol. 99, pp. 33–53.
- Pernot L. *La rhétorique de l'éloge dans le mond Gréco-Romain*. Paris, Institut d'Études Augustiniennes, 1993.
- Phillips E. D. A hypochondriac and his god. *Greece and Rome*, 1952, vol. 21, pp. 23–36.
- Reitzenstein R. *Hellenistische Wundererzählungen*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgemeinschaft, 1963.
- Rosen G. *Madness in Society. Chapters in the historical sociology of mental illness*. Chicago, University of Chicago Press, 1968.
- Schröder H. O. *Heilige Berichte*. Heidelberg, Winter, 1986.
- Seeck O. *Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet*. Leipzig, Teubner, 1961.
- Sievers G. R. *Das Leben des Libanius*. Berlin, Weidmann, 1868.
- Spengel L. *Rhetores Graeci*. Leipzig, Teubner, 1856.
- Weinreich O. Typisches und Individuelles in der Religiosität des Aelius Aristides. *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur*, 1914, Bd. 33–34, S. 597–606.
- Wilamowitz-Möllendorff U. Der Rhetor Aristides. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1925, Bd. 28, no. 5, S. 333–345.

Сведения об авторе

Межерицкая Светлана Игоревна

Кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Svetlana I. Mezheritskaya

PhD in Philology, Associate Professor

St Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: s.mezheritskaya@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0002-6613-2474.